

ОТЗЫВ

официального оппонента
на диссертацию

КОРОБОВА Владимира Сергеевича

«БОГОСЛОВСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИХ
СОБОРОВ 1166, 1170 ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО
ОБМЕНА МЕЖДУ ВИЗАНТИЕЙ И ЛАТИНСКИМ ЗАПАДОМ»,
представленную на соискание ученой степени кандидата теологии

5.11.1. Теоретическая теология

(по исследовательскому направлению: православие)

Диссертационное исследование Владимира Сергеевича Коробова (далее — Автор) посвящено одному из важных эпизодов в истории византийского богословия эпохи Комнинов — Константинопольским Соборам 1166 и 1170 годов, на которых рассматривался вопрос о толковании слов Иисуса Христа «Отец Мой больше Меня» (Ин. 14:28). Оба собора были созваны императором Мануилом I Комнином, который был движим не только теоретическим интересом к отвлечённым богословским проблемам, но и практическими задачами своей широкой политической программы, направленной на поиск точек идейного соприкосновения с латинским Западом — причём отнюдь не с целью подчинения ему, но, напротив, с целью своего рода «перехвата инициативы» или, говоря современным языком, навязывания собственной «повестки». Главной идеей императора, тесно связанного с западноевропейскими династически и политически, являлось доказательство адекватности притязаний Византии на римское имперское наследие и, соответственно, на роль общехристианского лидера — а для этого было необходимо, как минимум, быть в курсе богословских идей латинского мира.

Не удивительно поэтому, что именно внутрикатолическая полемика дала импульс к созыву обоих главных византийских Соборов XII века, а равно и то, что в формулировке их догматических решений заметную роль играл советник Мануила, пизанец Гуго Этериан (Уго Этериано). Данное обстоятельство определяет актуальность избранной темы, представляющей один из редких в церковной истории примеров *непосредственного* влияния латинской (т.н. католической) мысли на греческое православное богословие в условиях достаточно давно и прочно оформившегося полного разрыва официальных церковных отношений. Это, впрочем, определяет и методологическую сложность в научном изучении избранной Автором темы, поскольку предполагает достаточно глубокое знание как византийской, так и латинской теологической традиции, хорошее владение латинским и греческим языками для чтения основных источников и, разумеется, знакомство с богатой историографией вопроса, в том числе на иностранных языках. Это предположение оправдывается при взгляде на список использованной литературы: в нём мы находим 137 источников на обоих классических языках, а также 60 работ отечественных и 48

— зарубежных авторов (на новогреческом, итальянском, французском, английском, немецком языках).

Отметим, что именно русские учёные стояли у истоков академического исследования византийского богословия комниновской эпохи. Ему посвящена вызвавшая в своё время немало споров работа одного из корифеев отечественной византистики, академика Фёдора Ивановича Успенского «Очерки из истории византийской образованности» (1891) и кандидатская диссертация талантливого, но впоследствии забытого выпускника Московской Духовной Академии Дмитрия Михайловича Судницына (1896). Отрадно, что данное исследовательское направление нашло, после долгого перерыва, продолжение в отечественной науке — на новом методологическом уровне, с учётом работ иностранных авторов XX–XXI вв. и с привлечением вновь опубликованных оригинальных текстов.

Автор ставит цель «опираясь на недавно опубликованные источники, детально раскрыть содержание богословской проблематики Константинопольских Соборов 1166 и 1170 гг. в контексте православной традиции и дать оценку предположениям о латинском влиянии».

Заявленная цель представляется актуальной. Несмотря на большое количество исследований, вопрос о месте решений Соборов 1166 и 1170 гг. в богословском наследии Православия остаётся открытым. Дискуссионным является и тезис о решающем влиянии на позицию большинства участников Соборов во главе с императором Мануилом латинской теологической мысли в лице Гуго Этериана.

Для достижения цели диссертант обращается к решению следующих задач:

1. Определить круг источников с особым вниманием к латинским, недавно введенным в оборот, и описать их;
2. Описать историю Константинопольских Соборов 1166 и 1170 гг. с учётом новых источников;
3. Кратко сформулировать особенности и предпосылки триадологии и христологии Запада и Востока в XII веке;
4. Проанализировать толкования Ин. 14:28 в западной и восточной традиции по литературным источникам;
5. Выявить особенности взаимодействия западной и восточной традиции и дать им богословскую оценку.

Богословие поздневизантийской эпохи, развивавшееся в контексте политически инициируемого время от времени диалога с западным миром, является объектом рассматриваемого исследования, изучаемом на предметном материале спора о толковании и содержании новозаветной цитаты Ин. 14:28.

В 1-й главе Автор даёт подробный обзор источников, в число которых входят «История» Иоанна Киннама, «Хронография» Ефрема Эносского, «История» и «Догматическое всеоружие» Никиты Хониата, Синодик Православия, Эдикт Мануила Комнина, Трактат Гуго Этериана «О меньшинстве и равенстве Сына Человеческого по отношению к Богу Отцу» (в 2 частях) и Письмо Гуго Этериана католическому богослову Петру Венскому. Далекое не все эти сочинения имеют критические издания и русские переводы. Ввиду этого диссертанту пришлось не

только самостоятельно переводить оригинальные тексты, но даже обратиться к классификации рукописей. В этой связи хотелось бы всячески поддержать оценку Автором трактата «Догматическое всеоружие» Никиты Хониата: всестороннее изучение и критическое издание этого эпохального богословского сочинения по-прежнему остаётся на сегодняшний день важной задачей.

Похвально, что Автор не ограничивается рассмотрением синхронного изучаемым Соборам материала, но погружается вглубь исторической подоплёки богословских дискуссий, собирая максимально широкий спектр древних толкований изречения Христа «Отец Мой более Меня» (Ин. 14:28). Тем самым он стремится встать на ту же патрологическую основу, на которой стояли сами отцы Соборов комниновской эпохи, получая возможность реконструировать ход рассуждений сторонников и противников возобладавшей на Соборах концепции. Кроме того, сравнение известных нам святоотеческих и иных текстов с теми, на которые ссылались участники богословских дискуссий, позволяет косвенным образом сделать важные наблюдения о составе корпуса источников в византийской православной традиции XII в. В этом контексте Автор не только успешно использует специально посвящённую этой теме монографию Стергиоса Саккоса (1968 г.), но и непосредственно привлекает древние тексты: свт. Афанасия Великого, свт. Василия Великого, свт. Григория Богослова, свт. Григория Нисского, свт. Иоанна Златоуста, свт. Кирилла Александрийского, прп. Иоанна Дамаскина, свт. Фотия, прп. Симеона Нового Богослова, Михаила Пселла, Николая Мефонского и др. из греческой экзегетической традиции, а также западные авторы: Тертуллиан, свщмч. Киприан Карфагенский, блж. Августин, блж. Иероним Стридонский, свт. Амвросий Медиоланский, свт. Лев Великий, свт. Григорий Великий, Алкуин, Беда Достопочтенный, Иоанн Скот Эриугена, Герхох Райхерсбергский и др. Отметим, что многие из этих текстов привлекались на языке оригинала. Подобный подход можно всячески приветствовать, так как он ставит работу на прочную методологическую базу, выводя его за рамки церковно-исторического исследования в область теоретической теологии.

Диахронно-синхронный метод, применяемый для богословского анализа Ин. 14:28, а также другие теоретические методы (анализ, сравнение, обобщение, индукция, дедукция) играют в работе не меньшую роль, чем описательно-аналитический — который традиционно применялся при разборе истории Константинопольских Соборов 1166 и 1170 гг.

Другим элементом научной новизны работы является привлечение Автором новых, недавно опубликованных латинских текстов XII в., введение которых в синхронный теологический контекст позволяет заново переосмыслить весь корпус сохранившихся восточных и западных источников о Константинопольских Соборах 1166 и 1170 гг.

Удачное сочетание диахронии и синхронии позволяет Автору сформировать новаторское суждение по вопросу о влиянии западной мысли на богословие Константинопольских Соборов 1166 и 1170 гг.

Выводы, сделанные в работе, сформулированы в следующих выносимых на защиту положениях:

«1. Среди известных источников для восстановления хронологии событий и богословской проблематики Константинопольских Соборов 1166 и 1170 гг. ключевое значение имеют не только ранее известные литературные памятники ..., но также и новооткрытый источник — трактат латинского богослова Гуго Этериана «О меньшинстве и равенстве Сына Человеческого по отношению к Богу Отцу».

2. Проанализированные источники позволили уточнить ход событий богословского спора. ... Вначале состоялась первая встреча императора Мануила I Комнина и Димитрия Лампского. Димитрий обвинял латинян в том, что они считают Христа одновременно и равным, и меньшим Бога Отца. Мануил, будучи сведущим в богословии, высказал мнение, что Христос равен Отцу по божеству, но меньше по человечеству, как об этом указал Сам Спаситель в Ин. 14:28. После первой беседы Димитрий изложил свои взгляды в небольшом сочинении, которое стало распространяться среди духовенства и завоёвывать их внимание. Ситуация обострялась. ... Затем Мануил вызвал во дворец латинянина Гуго Этериана для показательных дебатов. Императору и присутствующим чиновникам понравилось выступление Гуго. Однако в народной толпе были выдвинуты вопросы, на которые Гуго не смог дать убедительный ответ. После этого Гуго составил по просьбе Мануила трактат ..., в котором доказывал богословскую формулу — Христос равен Отцу по божеству, но меньше Его по человечеству. После прочтения трактата Гуго император Мануил укрепился в своей позиции, поэтому при второй встрече с Димитрием дал резкий отпор его взглядам и передал дело Собору.

3. Как показало исследование, признание Господом Своего меньшинства перед Отцом толкователи понимали в двух аспектах: Триадологическом и Домостроительном. В первом случае Отец понимался как Виновник (причина) бытия Сына. Во втором — Сын меньше Отца в силу Своего Воплощения, как умалившийся (кеносис) относительно Своей божественной равночестности с Отцом, и принявший на Себя человеческую природу. Есть и другие понимания исследуемого стиха. Например, контекстуально-исторический аспект — Господь утешает Своих учеников из-за предстоящего Распятия. Если Отец больше Сына, то им нечего бояться — умаление Сына не лишает мир Отцовского Промысла.

4. В сочинении Гуго Этериана «О меньшинстве и равенстве Сына Человеческого по отношению к Богу Отцу» не встречается дословных формулировок, вошедших в деяния Константинопольских Соборов 1166 и 1170 гг. ... Однако ... главный тезис трактата Гуго совпадает с решениями Соборов: безоговорочно принять толкования слов: «Отец Мой более Меня» применительно к человечеству Спасителя.

5. Гуго Этериан стремился убедить византийского императора Мануила I Комнина в тождестве богословских воззрений Западной и Восточной Церквей с целью их объединения».

Из перечисленных положений первое носит источниковедческий характер; второе повторяет идеи, высказанные ранее. Реконструкция хода событий имеет

важное значение, но смущает отсутствие даже робких попыток наметить их хронологическую канву (в работе вообще немного дат, что, конечно, не столь принципиально для теологического исследования, как для исторического).

Несомненным новаторским вкладом Автора является приведение соборных дискуссий в контекст двух основных направлений святоотеческой экзегезы Ин. 14:28: триадологического и христологического. На вопрос о возможном влиянии Гуго Этериана на формирование мнения императора Мануила, которое, в свою очередь, легло в основу соборных решений 1166 и 1170 гг., Автор, в отличие от многих предшествующих учёных, даёт принципиальный утвердительный ответ. При этом сам Гуго характеризуется не только как представитель как активный проводник «униональной» линии, действовавший при византийском дворе в тесной координации с папским престолом. Отметим кстати, что отсутствие хронологической перспективы приводит к некоторой аберрации в представлениях Автора о фигуре Гуго: он называет его «молодым богословом» (с. 75), хотя к тому моменту, когда итальянец появился при дворе Мануила, ему было около 50 лет.

Достоинством внимания представляется наблюдение о близости некоторых взглядов Гильберта Порретанского и других теологов его школы к учению Великих Каппадокийцев. Именно эта близость, по предположению Автора, могла способствовать тому, что родившаяся в недрах порретанской школы концепция «Христос равен Отцу по божеству и меньше Отца по человечеству» не только нашла отклик в уме императора Мануила, но и одобрение со стороны большей части византийского духовенства.

Отметим, что заявленная в работе цель «раскрыть содержание богословской проблематики Константинопольских Соборов 1166 и 1170 гг. в контексте православной традиции» достигнута в работе лишь отчасти. Автор даёт развёрнутый *ретроспективный* анализ, тогда как вопрос о рецепции соборных решений в *последующей* общеправославной традиции он оставляет для отдельного исследования. Такое решение, впрочем, объяснимо, поскольку эта задача требует анализа совершенно других источников и огромного массива малоизученных поздних и поствизантийских богословских сочинений.

Выводы первого параграфа третьей главы, довольно амбициозно озаглавленного «Общая характеристика и особенности западной и восточной триадологии и христологии», могут показаться несколько поверхностными. В частности, едва ли появление *Filioque* можно объяснить лишь тем, что Запад встал на «путь рационализма». Довольно натянутым представляется и противопоставление идей блж. Августина, для которого «характерно было мыслить Бога прежде всего как Единую Сущность, которая проявляется в Трёх Лицах», и мнения свв. Каппадокийцев, которые «первенствующее значение придавали Трём Ипостасям» (с. 159–160). Вывод Автора безапелляционен: «Западная традиция двигалась от сущности к Ипостасям, восточная же наоборот» (с. 160). Всё это кажется чрезмерным упрощением. Конечно, любые попытки обобщений в теологических вопросах обречены на схематичность. Возможно, этого уровня приближения и достаточно для целей данной работы. И всё же выражение «превосходство Ипостасей над

сущностью» режет слух. То же можно сказать и о следующем пассаже: «Для латинской традиции было свойственно придерживаться позиции свт. Льва и исповедовать две природы во Христе. На Востоке же богословская мысль так и не нашла примирения между сторонниками Халкидонского Собора и его противниками. Поэтому следы монофизитской христологии нередко давали знать о себе» (с. 17 автореферата).

Отмечая новаторский характер исследования, признаем, что Автору удалось сделать шаг вперед в области изучения истории и богословия Константинопольских Соборов 1166 и 1170 гг. и пролить свет на вопрос о влиянии на них сочинений западного богослова Гуго Этериана, в первую очередь его недавно изданного трактата. Выводы исследования в целом не вызывают возражений. Единственное серьезное сомнение вызывает несколько навязчивое сопоставление позиции сторонников толкования «по примышлению» (κατ' ἐπίμοιαν) с доктриной монофизитов. Автор пишет в связи с этим следующее: «Об этом же говорили некогда монофизиты, готовые обнаруживать человечество в сложной после Воплощения природе только умозрительно» (с. 158). Действительно, сторонники данной концепции исходили из невозможности разделения человечества и Божества во Христе иначе, чем мысленно. Но разве православное халкидонское вероопределение не учит, в свою очередь, что соединение природ во Христе произошло «неразлучно» и «нераздельно»? А если так, то «обнаруживать человечество» в Воплощенном Боге Сыне иначе чем умозрительно невозможно и для тех, кто никоим образом не приемлет монофизитство. Кроме того, монофизитская концепция единой природы Богочеловека делает бессмысленным и даже прямо невозможным любое разделение божественного и человеческого, так как с момента Воплощения человечество Христа становится обоженным и святым на природном уровне. Этот вопрос, на наш взгляд, нуждается в более тонкой проработке.

Автор демонстрирует уверенное знание широкого круга богословских вопросов, умение работать с первоисточниками и научной литературой. Хочется надеяться, что он продолжит свои изыскания в области намеченного им как перспективное направления «Рецепция решений Константинопольских Соборов 1166 и 1170 года в византийской традиции».

Оригинальность и независимость суждений — несомненный плюс сочинения. Но его оборотной стороной является и некоторая неясность отдельных выражений. Например, не вполне понятен смысл фразы: «...толкование «по человечеству» обвиняли в скрытом несторианстве и приняли притворно» (с. 161). Что значит «приняли притворно»? Требуется разъяснения или, хотя бы, сопровождения текстом источника следующее заявление: «Ошибку греков Гуго видел в почитании природ, а не Ипостаси» (с. 162). Стилистически неудачными представляются фразы: «покрывает василевса ввиду ответственности перед обществом» (с. 24); «объективно излагает вещи» (с. 25); «применительно к плоти Христовой, в соответствии с которой Он пострадал» (с. 78). Рукопись имеет надписание, а не «надпись» (с. 89). Режет глаз вульгаризм «по факту» (с. 162). Впрочем, высказанные замечания не могут повлиять на общую на положительную оценку диссертационного исследования.

Диссертация В. С. Коробова представляет собой исследование актуальной проблемы, характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, соответствует паспорту специальности, отвечает требованиям Положения о присуждении учёных степеней, а её автор — Владимир Сергеевич Коробов — заслуживает присуждения учёной степени кандидата теологии по специальности 5.11.1 «Теоретическая теология (по исследовательскому направлению: православие)».

Официальный оппонент —
кандидат исторических наук (специальность 07.00.03 — всеобщая история), доцент кафедры «Востоковедение и африканистика» Института общественных наук и международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет», старший научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Адрес: 299053, г. Севастополь, Университетская ул., д. 33.

Телефон: +7 (8692) 43-50-53

Сайт: <https://www.sevsu.ru>

Электронная почта: pvkuzenkov@sevsu.ru

«30» ноября 2023 г.

Павел Владимирович Кузенков

Подпись П.В. Кузенкова заверяю:

директор /Д.Б. Татарков/